

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ БОТАНИКА



ЕЛЕНА НУЗНЕЦОВА
Родилась в 1985 году в Красноярске. Окончила филологический факультет Красноярского государственного педагогического университета. Выпускница литературных курсов при издательстве «Астрель-СПб» и школы BAND. Публиковалась в журналах «Город детства» и «Дантиль».

В конце февраля в магазин завезли синие помидоры.

Илья Петрович, увидев такое, замер перед прилавком минут на пять.

Помидоры были круглые, упругие, мясистые и даже пахли не пластмассой, как обычно бывало в это время, а только что политыми помидорными кустами. Но цвет! Ярко-синий, без примесей – как новые мусорные баки, которые наконец-то поставила управляющая компания у Ильи Петровича во дворе.

Чем их удобряли, эти помидоры? Чем химичили в своих китайских теплицах? Что за отраву предлагают есть?

Илья Петрович оглянулся по сторонам. Разделить возмущение было не с кем: в девять утра народа в продуктовом не было. Только в молочном отделе копошились две старухи, которые, как и он, пришли в «счастливый час» – скидка по пенсионному десять процентов на все. Но не с ними же, в самом деле, обсуждать серьезные вещи.

Наудачу, к овощному прилавку катила тележку с коробками дородная продавщица в зеленом жилете.

– Послушайте, уважаемая. Не подскажите, что это такое?

Тележка затормозила в сантиметре от старика. Продавщица проследила взглядом за его указующим жестом.

– Помидоры.

– Что помидоры, я догадался! А цвет вас не смущает? Это какой-то новый сорт?

Продавщица еще раз посмотрела, куда тыкал пальцем Илья Петрович, потом – повнимательнее – на него самого.

– Цвет как цвет. Брать будете? Вам со скидкой всего триста рублей выйдет за кило.

Илья Петрович вытаращил глаза. Открыл было рот, потом закрыл, махнул рукой и пошел к выходу, не взяв ни батон, ни кефир, за которыми, собственно, приходил.

Холодный ветер раскатывал по асфальту полупрозрачные волны снега. Задувал за воротник и пробирался под штанины, но остудить Илью Петровича не получалось. Внутри у него все кипело.

«И берите, – еще говорит, – всего за триста! Выкинули на прилавок неликвид и торгуют, не моргнув глазом! Роспотребнадзора давно не видели, я смотрю!»

Дошагав до подъезда, Илья Петрович проверил почтовый ящик – квитанции за электричество все еще не было – и поднялся к себе на третий этаж. Не снимая куртки, прошел в зал, к книжному шкафу, аккуратно открыл стеклянные дверцы.

Вместо собраний сочинений на полках стояли белые картонные коробки. У каждой на боку мелким почерком было что-то выведено: «Платежки»,

«Письма», «Медицина». Илья Петрович вытянул увесистые «Письма», снял куртку и сел на диван.

Корреспонденция была подшита по адресатам: конверт, письмо Ильи Петровича, конверт, напечатанный ответ от ведомства, снова конверт и убористо исписанный лист. Круг адресатов свидетельствовал об активной гражданской позиции и широком поле интересов: переписку Илья Петрович вел с управляющей компанией, Министерством здравоохранения, приемной президента, УФСБ, Департаментом образования, Пенсионным фондом и еще с десятком учреждений. Стопка писем в Роспотребнадзор в коробке тоже имелась – она-то и была сейчас нужна.

Илья Петрович сверил адрес и шапку своих заявлений и принялся за дело. Подробно описал вопиющий случай в продуктовом, внешность продавщицы, указал адрес магазина, изложил просьбу разобраться с поставками овощей и принять надлежащие меры. Потом снова оделся и вышел из квартиры – почта была недалеко, за углом.

Следующий месяц тянулся медленно. По закону ведомства отвечали в течение тридцати дней. Илья Петрович каждый раз надеялся, что письмо будет раньше, а они, как назло, приходили в лучшем случае за пару дней до окончания положенного срока.

В продуктовом продолжали лежать синие помидоры. Люди набирали их в пакеты, взвешивали на весах и укладывали в тележки, как будто ничего не изменилось. Илья Петрович проходил мимо, покачивая головой, но в переговоры с персоналом больше не вступал: не имел привычки затевать скандал, не заручившись официальной поддержкой. Собирал привычную корзину – батон, кефир, «Докторская» – и уходил из магазина молча, но с достоинством.

Письмо пришло, когда растаяли остатки снега и даже успел просохнуть асфальт. Роспотребнадзор сообщал, что для проведения проверки не имеет оснований – Илье Петровичу следует обратиться с жалобой, подкрепленной фото- или видеоподтверждениями, к администрации указанного магазина, и просить помощи у ведомства, только если магазин оставит жалобу без внимания.

«Отфутболили, значит», – подумал старик и привычно подколол ответ к соответствующей стопке писем. Взял чистый лист и заново описал факт продажи неликвида, возможные последствия для здоровья пенсионеров и необходимость принятия мер. Вышло даже лучше, чем в прошлый

раз, – от такой жалобы магазин уж точно не сможет отделаться.

Хотя... Фотоподтверждения. Вот же, русским языком рекомендовано – подкрепить слова доказательствами. А то, ясное дело, магазин жалобу примет, на три дня помидоры с прилавка уберет – и концы в воду. По жалобе отчитается, а потом снова неликвид в продажу пустит. Плавали – знаем.

Илья Петрович захлопал по карманам. Выудил телефон, понажимал кнопки.

- Папа? Хм. Привет.
- Здравствуй, Николай. Как живете?
- Да как обычно. Все хорошо.
- Как Ольга?
- Работает. Ты давай уже к делу. Не просто так же звонишь?

Илья Петрович вздохнул.

- Николай, нужно, чтобы ты приехал. Мне отфотографировать кое-что надо.
- Мы сто раз тебе предлагали нормальный смартфон с камерой. Ходил бы сейчас и фотографировал сам все, что хочешь.
- Так ты приедешь? Хорошо бы сегодня-завтра.

Даже по телефону было понятно, что сын в своей обычной манере закатил глаза.

- Пап, я как должен сорваться? Проект за меня кто – ты будешь сдавать?
- Николай, мне очень нужно.
- Да что у тебя там случилось?

Илья Петрович скрипнул зубами.

- Мне для жалобы. Доказательства. Сволочи эти, в продуктовом, уже месяц торгуют неликвидом. Синие помидоры. Роспотреб меня отфутболил. Народ, как бараны, продолжает покупать. Нужны фото.

Повисла пауза.

- Что ты говоришь... синие?
- Да! Как твой «Ниссан»!

Николай еще помолчал.

- Папа, помидоры в магазинах действительно поменяли цвет. Мы с Ольгой тоже заметили. Но то, что ты говоришь... это ни в какие ворота. Синие!

- Я что, по-твоему, цвета разучился отличать?
- Ну, тебе если по телевизору скажут, что черное – это красное, ты и сомневаться не будешь.
- Да не смотрю я твой телевизор!
- Не ори!

- Николай! Хватит меня за дурака держать! Я жизнь пожил, побольше твоего вижу! Приедешь помочь или нет?

Было слышно, как сын пытается отдышаться.

А после пятого сын принес диплом, сказал что-то про его ненужность, мол, тебе важно – пусть у тебя и будет. Кем Николай начал работать после института, Илья Петрович так до конца и не понял.

– Нет. Я в этом участвовать не собираюсь.

Илья Петрович бросил трубку.

Зашагал по комнате. Ушел на кухню, выпил воды. Постоял у окна с занавесками в желтый цветочек. Потом оделся и вышел из квартиры.

Администратор магазина Илью Петровича выслушала внимательно, хоть и с высоко поднятой бровью. Жалобу приняла без фотодоказательств. Обещала ответ в месячный срок и дала флаер на дополнительную скидку в «счастливей час».

Старик вернулся домой. Подошел к шкафу, где в белых картонках, аккуратно рассортированный, лежал смысл его жизни. Вытащил с верхней полки коробку с надписью «Николай».

Когда он так упустил сына? На футбол ходили, математику вместе решали. Не ругались. Да и ругать было не за что: за гаражами Николай не курил, уроки не прогуливал, подростковую дурость проскочил незамеченно. Поспорили только, когда пришло время поступать. Илья Петрович настаивал на технологическом – нормальные мужские профессии. А сын уперся в свой пиар или как там его. Мать, конечно, поддержала Колю – и умерла, когда тот был на втором курсе. А после пятого сын принес диплом, сказал что-то про его ненужность, мол, тебе важно – пусть у тебя и будет. Кем Николай начал работать после института, Илья Петрович так до конца и не понял.

Вместе с дипломом в коробке лежала свадебная фотография – единственная, где их поймали втроем. Ольга улыбалась, Николай держал ее за руку, Илья Петрович выглядывал из-за их спин.

После свадьбы прошло года три, когда он поднял тот разговор. И ничего уж такого не сказал!

Но если детей так и нет, то какой резон в этой семье? Пока молодой, еще можно жениться снова – на той, кто сможет родить.

Николай тогда впервые заорал, что это их выбор и чтобы отец не лез, куда не просят. Разговоры с тех пор не клеились – привет-привет, как дела-хорошо.

Кроме диплома и фотографии, в коробке больше ничего не было.

Илья Петрович взял телефон. Шурясь, набрал эсэмэску: «Коля, может, все-таки приедешь?»

Ответ пришел через пару минут. «Предлагаю эту тему больше не обсуждать».

Кухня еще пахла свежим ремонтом. Молочный кафель фартука оттенял серые матовые фасады и удачно сочетался с рисунком напольной плитки. За небольшим круглым столом сидел Николай, ждал, пока Оля разложит салат.

– Я не понимаю. Не понимаю. Как можно настолько по-другому интерпретировать факты? Как можно не видеть очевидного?

– Коля, это же возраст. Адекватно принимать изменения очень сложно. Его мозг старается сохранить привычный мир, включает психозащиты.

– Да какие психозащиты! Это уже деменция. Как бы к неврологу его затащить, обследовать.

– Слушай, Илья Петрович еще молодец. Мои просто делают вид, что ничего не случилось. Что их это никак не касается.

Оля расставила тарелки, села напротив.

– Просто не нужно вообще об этом разговаривать. Ты все правильно написал – не поднимать эту тему. Пусть каждый живет в своем мире, за чем кому-то навязывать правду.

Николай взял вилку.

– А может, это мы того? Оля?

Подцепил помидор, поднял повыше.

– Ну вот какого он цвета?

Оля вздохнула.

– С нами все в порядке.

– Какого цвета, Оля? Какого цвета эти помидоры? Как ты их видишь?

– Господи...

– Скажи!

– Белые, Коля. Конечно, я вижу, что они – белые.

– Ну слава богу. Если мне еще кто-нибудь скажет, что они синие, я не выдержу.

Ответ от магазина пришел Илье Петровичу через двадцать восемь дней. Администрация бод-

ро отчиталась, что у поставщиков овощей есть все необходимые сертификаты, продукция прошла проверку и помидоры сортов «Тепличные», «Особые», «Персей» и «Союз 8», представленные в продаже, отклонений от нормы не имеют ни по одному показателю.

В апреле начальница юридического отдела торговой сети, куда входил магазин Ильи Петровича, визировала такие ответы уже пять раз.

– Любопытное в этот раз обострение. Возраст у всех разный, уровень образования, судя по грамотности претензий, – тоже. И жалобы разделились – трое утверждают, что помидоры белые, двое – что синие. Катя! Ты видишь какую-нибудь закономерность?

Референт Катя пожала плечами.

– Что ж, пока всего пятеро – укладываемся в обычный процент городских сумасшедших. Помнишь, как мы два года назад круглосуточно на претензии отвечали? Когда граждане решили, что принуждение к мытью рук – это мировой заговор, и требовали прекратить поставки мыла.

Катя кивнула.

– Надеюсь, это не новая волна. А если она...

Катя вздрогнула.

– ...интересно, как долго продержится.

